

**Светов Ф. Г. Прав или виноват
Иван Иванович? / Ф. Светов //
Ушла ли романтика? : критич.
размышления / Ф. Светов. –
Москва, 1963. – С. 149-155.**

Думается, особенно ясно мысль настоящих заметок подтверждается анализом повести В. Тендрякова «Не ко двору» — произведения, в котором логическая точность поступков героя обусловлена прежде всего точ-

ностью психологической, верностью правде характера, а ощущение современности всей вещи в целом достигается не привнесенными извне нарочитыми приметам и рассуждениями, знаменующими собой время, но органически входит в строй души героев, определяет причины их поступков.

Герои Тендрякова вздорят не из-за пролитой тарелки супа — речь идет о принципиальном отношении к жизни, о мучительных отношениях между людьми, различными в своей сути, об отношениях, в которых не может быть компромисса. Федор Соловейков не мог поступиться ничем, не перестав быть Федором Соловейковым, так же как Стеша Ряшкина не могла прийти к нему, оставаясь Ряшкиной. Вот почему счастливый финал фильма, снятого по повести режиссером М. Швейцером, — ничем не оправданное насилие над характерами героев, над всем пафосом повести.

Сам по себе разговор о «пережитках прошлого» понимается нами подчас весьма абстрактно. Но в повести Тендрякова «Не ко двору» о пережитках говорится совершенно конкретно, реально, о самой обыкновенной жизни рассказывает писатель. Два чуждых друг другу мира сталкиваются между собой в повести Тендрякова на первых же ее страницах. Мы уже чувствуем что-то чуждое в настойчивом напоминании о «легком махорочном запахе», державшемся рядом с Федором все время, пока танцевал он первый раз с красавицей Стешей, а потом провожал ее морозной ночью домой. Запах, который был приятен ему, напоминал «обжитое, домашнее, крестьянское тепло», а Федор истосковался по дому — давно уехал от матери, жил, как и большинство ребят-трактористов: снимал комнатку возле МТС, ночевал у родственников, где придется. И вот первый день после немногочленной и нешумливой его свадьбы, на которой Федор так и не сплясал, а плясун он знаменитый, известный далеко вокруг. Прошла свадьба, а наутро «новая семья в два человека». И в том, как возится Федор «целых полдня» со своим радиоприемником «Колхозник», устанавливая на крыше антенну, а Стеша в «стареньком платье, из которого выпирало ее молодое упругое тело», развешивает появляющееся из сундука прида-

ное, выбивает махорочный дух из цветистых панев, шубы «весом в пуд, не меньше»; в том, как в ответ на искреннее удивление Федора: «На что они нам?.. С такой радугой по подолу в село не выйдешь — собаки сбесятся... В Дом культуры сдать, все польза — купчих играть в таких сарафанах» — теща обидчиво замечает: «Ты, ласковый, не наживал это, чтоб раздаривать... Ой, гляди, Стешка, как бы твой муженек с отдаванием этим по миру тебя не пустил...»; и в том, как вечером после первого семейного дня подошел Федор к убиравшейся на ночь Стеше обнять, а она, «еще вчера вздрагивавшая от его прикосновения, сейчас спокойно отстранилась: «Обожди!.. Уж не терпится. Гребень сломаешь», — во всем этом настораживающая читателя непохожесть людей, начинающих вместе новую жизнь. Хотя конечно же все это в порядке вещей, да и Федора не обижает холодность жены: «семья же, а в семье все привычно». И махорочный запах, и цветистые паневы, и тещина воркотня, и такая скорая «привычка» жены — в порядке вещей: семья. Да и что там говорить, хорошо Федору дома: мягкие подушки, скатерти, теплая постель — «в каждой складочке половика твое счастье проглядывает». Но главное — Стеша «что ни день, то краше». «Ах ты, лебедушка!» — ласково думает Федор. Да и мы начинаем забывать потревожившие было нас контрасты: маленький радиоприемник Федора и огромный сундук Стешы с добром, пропахшим махоркой, — хорошо живется Федору, счастливо, а «счастье не надоедает, к нему не привыкнешь...».

Но вот первое столкновение, за которым не случайное раздражение, усталость или простое непонимание друг друга, — два отношения к жизни. Федор, перебравшись в новый колхоз, к жене, работает бригадиром тракторной бригады. Парень он веселый, человек бесхитростный, в работе честный и добросовестный. Да и добросовестность его, сразу же оцененная председателем колхоза теткой Варварой, вполне обыкновенна и естественна. А как же иначе? — удивился бы Федор, спроси его, почему, мол, он так старателен в своем деле... Как-то между прочим, к слову, Стеша говорит мужу, что велел отец лошадь попросить у Варвары, усадьбу пахать:

«Тебе она не откажет, с тобой ей не с руки не ладить». Федор спокойно, но твердо, ничего еще не понимая, разъясняет: «Нельзя, Стеша. Правление постановило, пока семена все не вывезут, никому лошадей не давать... Я лошадь просить не пойду. Обижайся не обижайся — не пойду! Совести не хватит!» И тогда впервые Стеша срывается: «Совесть свою бережешь! За стол-то лезешь! Тут-то хватает совести!» Вот оно—словно приоткрылся сундук и пахнуло лежалым добром, махорочным духом!..

Тяжело Федору, скверные мысли о жене лезут в голову: требует лошадь — знать ничего не хочет, работу нашла себе «тихую, не пыльную», комсомольский билет забыла, забросила... Но человек-то она душевный, да и что ж он, с женой, что ли, не столкнется?!

Но и Стеша и родители ее не дожидаются, пока зятек образумится: пошел Силан Ряшкин к председателю и потребовал лошадь для бригадира тракторной бригады. Конечно же такого Федор уже не может стерпеть: «Позорить себя не дам!.. И щами меня не попрекай!..» Это все родители, думает Федор, недаром в деревне не любят Ряшкиных; Стеша другая, договоримся. Как же может не понять его Стеша, когда он так любит ее, а для него в правильности того, что он сделал, нет никаких сомнений! Все так просто и естественно: разве можно, пользуясь положением, брать в колхозе лошадь, когда нет лишних лошадей? «Какой ты мне муж! — кричит тем временем разошедшаяся Стеша. — И чего я на тебя, дурака, позарилась!.. Напаскудил, отца оплевал, теперь на меня... В родном-то доме!..» А он и правда, дурак, радовался этому дому, половичкам, а тут все чужое, все кричит: не твое!

Федор тверд в принятом решении: «Плачь не плачь, а тебе одно скажу... жить я в вашем доме не стану! Или идем вместе, или один уйду...» Да, Федор решил окончательно: жить в доме Ряшкиных он не может. Он не слушает, только хмурится, когда Стеша поносит председателя колхоза тетку Варвару, обвиняя во всем ее: «Она подлая! У-у, горло бы перегрызла! Собачье отродье!..» Но вот голос Стеши меняется, она уже не кричит, жалуется: «Души в тебе столько же, сколь у злыдни

Варьки совести!.. Ребенок же у меня!» — «Ребенок!» — вскрикивает Федор. Он не понял еще всего, что случилось, но почувствовал: больше сказать ему нечего. Он молчит, слушает причитания и слезы Стешы. Ребенок! Он еще не появился, а «уже участвует в жизни». К этому Федор не готов и, молчаливый, замкнутый, но покорный, дает увести себя в дом.

Но того, что произошло между ними, уже не спрячешь, да ничего и не изменилось, не могло измениться. Федор не пытается больше говорить со Стешей по душам: закричит, прибегут опять отец с матерью. И ночами, лежа рядом с женой, кусает кулаки, «чтоб не кричать от горя, от бессилия: «Тяжко! Невмоготу! Душит все!», «Вот уж, воистину — не ко двору пришелся».

И вот великолепная по психологической точности сцена, в которой Федор случайно становится свидетелем дикой расправы Стешы и ее матери с заблудившейся на их огороде козой. И, пытаясь разобраться в том, что это за «смутная тяжесть легла на душу», Федор видит, что испугала его даже не бессмысленная жестокость к блудливой скотине: «Люди непонятные, вот что страшно». Да и ладно бы теща — она за свои огурчики живьем с человека кожу содрать готова, но Стеша!.. А ведь пустяк — козу наказали, засмеют, если рассказать кому-нибудь. Но Федор больше так жить не может, есть у каждого человека предел терпения, а Федор уже дошел до своего: «Может, ради ребенка под них подладиться? Может, тоже, как теща, сатанеть над огурчиками? Может, плюнуть на все, подпевать вместе с тестем: «Ломи на них, они это любят»? Душу себе покалечить из-за ребенка?» Не может здесь быть примирения, нет у Федора другого выхода, невозможно ему остаться в доме Ряшких.

А писатель и не собирается облегчать конфликт, не выдумывает смягчающие вину обстоятельства — речь идет о жизни. И все, что происходит дальше: тяжелая, безобразная сцена, устроенная Стешей Федору на людях, у общежития трактористов; и разговор Стешы с комсомольским секретарем Ниной Глазычевой; бюро райкома, разбиравшее персональное дело Федора Соловейкова («Вы должны перевоспитать и жену, и отца ее,

и мать — всех!»); и смятенные мысли Федора: не рассказывать же на бюро райкома про козу, а в голову только такое «несерьезное» и лезет; и, наконец, рождение ребенка, то, как Федор сломя голову бежит в родильный дом, хотя и любовь его к Стеше словно бы прошла, забыта; и радость и надежда, вспыхнувшие в душе: «Все просто: рождается ребенок, он — отец, он имеет право требовать от Стеши переехать к нему!» — все, что происходит в повести, только подтверждает мысль о невозможности соединить, примирить два мира, столкнувшиеся между собой в уютной избе Ряшкиных. Нечем дышать там Федору, да и сам он, веселый, общительный, добросовестный во всяком деле, обыкновенный парень, настолько чужд дому Силана Ряшкина, что ни о каком примирении и речи быть не может.

И, наконец, последняя попытка примирения. Умиротворенная рождением дочери, счастливая вниманием мужа, покоренная его твердостью Стеша соглашается уйти из отцовского дома. «Да как же мне жить-то с ребенком без мужа? — говорит она матери. — Все пальцами тыкать будут!..» И в том, как хорошо живут первые дни маленькая семья Соловейковых, хоть нет на первых порах детской кроватки — постель дочери устроили на составленных стульях, и в ласковой, а порой бестолковой заботливости счастливого Федора, и в неумелом внимании друзей и знакомых, спешивших принести «на зубок» что-нибудь приятное и нужное, — во всем этом ощущение другого мира, ничего общего не имеющего с темным домом Ряшкиных. Присматривавшаяся ко всему, не пришедшая в себя Стеша не перестает удивляться: «Чужие люди приходят, радуются за них, добра желают... Ей в отцовском доме никогда не приходилось видеть такого». Но и это счастье недолгое. Где-то, пока еще подсознательно, зреет у Стеши обида и жалость к себе, снится родной дом, скворечник на «своей» березе. И, наконец, толчок — мать, запричитавшая над обиженной доченькой: «Горюшко ты мое, кровинушка ты моя родная, на кого ты похожа?..» Федор пытается еще спасти что-то, обещает совсем скоро новую квартиру, няньку найдут, только бы не шла она снова в ряшкинский дом, иначе «все поломается опять промеж

нами. В вашем доме даже воздух заразный, надышишься ты его — чужой мне будешь». И тогда Стеша взрывается: «Сам ты заразный, сам ты чужой!..» Теперь, надо думать, уже насовсем уходит Стеша к родителям, забрав ребенка. «Теперь уж все», — понял Федор.

И на последней странице повести, когда измученный своей бедой Федор под «восторженный стон» голосов отчаянно и лихо пляшет в клубе: «Эх! Не век гореваты! Потеснись народ! Душа на простор вырвалась!», а «снаружи, за темным мокрым окном» прижимается к стеклу «смутное лицо» Стеши, особенно резко, художественно неопровержимо выражена все та же основная мысль произведения о невозможности примирения двух чуждых в своей основе мировоззрений, о полнейшем, не оставляющем ни малейшей лазейки и двусмысленности неприятию мира собственничества, ненависти ко всем его проявлениям, о невозможности компромисса в главном — в том, как относится человек к жизни.

Как мы видели, мысль эта выражена в повести Тендрякова не декларативно, не проповедью «вечных» истин, не нагнетанием трагических фактов и ситуаций, а правдивым и психологически точным рассказом о самом обыкновенном, о жизни, о том, что бывает «у всех». Ясность, определенность писательской позиции дали возможность автору увидеть главное, характерное в облике нашего современника, ярко и обнаженно показать борьбу нового со старым, утверждая безусловную правоту и победу нового. Поэтому и анализ этой «обыкновенной» семейной драмы вполне естественно выходит за рамки только «личного» разговора. Критику никогда не удастся правильно проанализировать психологическую мотивировку поступков героя, если он не поймет их необходимость, то, почему так, а не иначе происходит расстановка сил, которые движут человеком, делая из него то, что он есть.

Еще в прошлом веке русская революционно-демократическая критика, говоря о *личном*, никогда не замыкалась в узкосемейной, любовной проблематике, но всегда умела видеть в самых лирических переживаниях героев проявление закономерностей общественных, социальных.